

ИХНИЙ, ТОЛИКА И РЫБОВА, ИЛИ ЧТО ДАЮТ МИКРО- И НАНОДИАХРОНИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ¹

Е.Р. Добрушина

*Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (ПСТГУ),
Москва, Россия; edobrush@gmail.com*

Аннотация: Статья посвящена диахроническим методам исследования современного русского языка, которые автор предлагает разделить на традиционную макродиахронию, оперирующую веками и даже большими интервалами, микродиахронию, исследующую изменения на протяжении интервалов от 5 до 50 лет, и нанодиахронию, анализирующую языковые события, происходящие за год или даже месяц. С позиций диахронического подхода становится ясна значимость фиксации современных исследователю языковых явлений, при которой, помимо корпусной статистики, важны методы интервьюирования и анкетирования.

Автор выделяет этапы микродиахронии русского языка, связанные с экстралингвистическими факторами. Они условны, особенно их датировка, и все же представление о таком делении полезно при различных исследованиях, особенно связанных с литературной нормой. Удобен оказался вариант разбиения XVIII–XXI веков на шесть этапов: (1) с конца XVII века по 1765 год — этап зафиксирован в первой системной кодифицирующей грамматике М.В. Ломоносова; (2) с 1766 года по 1859 год — этап носителей дворянской культуры, чья речь подвержена влиянию французского; (3) с 1860 года по 1916 год — этап формирования разночинской культуры, одновременно и наследующей дворянскую и отталкивающейся от нее; (4) с 1917 года по 1991 год — этап советской нормативизирующей традиции; (5) с 1992 года по 2015 год — этап частичного высвобождения речи из-под давления кодификации и формирования «устно-письменного» языка Рунета; (6) с 2016 года по настоящее время — этап приспособления речи к реализации ее значимой части через цифровые технологии.

Далее в качестве иллюстрации анализируется диахрония трех явлений. Во-первых, попытка местоимения *ихний* войти в русский язык, закончившаяся тем, что оно стало общепринятым маркером просторечия и одновременно развило относительные значения «иностранный», «чужой», постепенно становящиеся нормативными. Во-вторых, описание истории слова *толика*, высвободившегося из фразеологизма, приобретшего кванторное значение «малая доля», а далее теряющего количественную определенность и движущуюся

¹ Автор выражает благодарность анонимным рецензентам, советы которых помогли улучшить статью.

щегося в направлении значения «доля», «часть». Наконец, демонстрируя работу нанодиахронических методов, автор описывает появление в речи Рунета последних двух лет слова *рыбова*, родившегося на основе языковой игры с падежным окончанием *-ов* и заполнившего некоторую семантическую лакуну.

Ключевые слова: современный русский язык; фиксация языковых единиц; «портретирование» языковых единиц; микродиахрония; нанодиахрония; корпусные методы; устно-письменный язык Рунета; грамматическая норма; падежная вариативность

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-03-12

Для цитирования: Добрушина Е.Р. Ихний, толика и рыбова, или Что дают макро- и нанодиахронические методы // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 3. С. 134–147.

IKHNII, TOLIKA AND RYBOVA, OR WHAT MICRO- AND NANODIACHRONIC METHODS GIVE US

E.R. Dobrushina

*St. Tikhon's Orthodox University of the Humanities, Moscow, Russia;
edobrush@gmail.com*

Abstract: The article is devoted to diachronic methods of research in the contemporary Russian language which the author offers to divide into traditional macrodiachrony that deals with centuries and long periods of time; microdiachrony that investigates changes over periods of time from 5 to 50 years; and nanodiachrony that analyses linguistic phenomena appearing during a year or even a month. From the standpoint of the diachronic approach, the significance of fixing linguistic phenomena, contemporary to the researcher, becomes clear, while, in addition to corpus-based statistics, interviewing and questioning methods are important.

The author identifies the stages of microdiachrony in the Russian language which are related to extra-linguistic factors. They are conventional, especially their dating, and yet the idea of such division is useful in various studies, particularly related to literary standard. It was convenient to divide the 18th–21st centuries into six stages: (1) from the end of the 18th century to 1765 — the stage fixed in the first systemic codifying grammar of M.V. Lomonosov; (2) from 1766 to 1859 — the stage of aristocratic culture bearers whose speech is influenced by the French language; (3) from 1860 to 1916 — the stage of formation of *raznochintsi* culture, both inheriting the nobility culture and repelling from it; (4) from 1917 to 1991 — the stage of the Soviet standardizing tradition; (5) from 1992 to 2015 — the stage of partial release of speech from the pressure of codification and the formation of the “spoken-written” language of the Runet; (6) from 2016 to the present day — the stage of adaptation of speech to realization of its meaningful part through digital technologies.

Then the author analyses the diachrony of three phenomena to illustrate these ideas. Firstly, it is an attempt of the pronoun *ikhonii* to enter the Russian language

which ended up with it becoming a marker of substandard speech and at the same time developing the relative meanings “foreign” and “alien”, which gradually became normative. Secondly, it is a description of the history of the word *tolika*, released from the phraseology and used as a quantifier with the meaning of “small fraction”, and further loosing quantitative definiteness and moving towards the meaning of “fraction”, “part”. Finally, in order to demonstrate the work of nanodiachronic methods, the author describes the word *rybova* which emerged in the speech of the Runet in the last two years as a result of a language game with the case ending *-ov* and filled up certain semantic lacuna.

Keywords: contemporary Russian language; fixing of linguistic units; “portraying” of linguistic units; microdiachrony; nanodiachrony; corpus-based methods; “spoken-written” Russian of the Runet; grammatical norm; variation of cases

For citation: Dobrushina E.R. (2025) *Ikhonii, Tolika and Rybova, or What Micro- and Nanodiachronic Methods Give Us. Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 3, pp. 134–147.

1. Методы портретирования языковых единиц: фиксация и диахрония

Любая языковая единица, будь то морфема, лексема, синтаксическая конструкция, дискурсивная формула или прецедентное высказывание, заслуживает детального описания. Это стало гораздо более реально с появлением корпусной лингвистики, позволяющей, с одной стороны, опираться на обширный языковой материал и статистику, и, с другой — отыскивать редкие, окказиональные употребления, что в равной степени ценно для теоретических выводов.

Отмечу сразу, что на данный момент для описания многих явлений русского языка не хватает использования одного Национального корпуса. При исследовании языка XXI века нужны, как минимум, данные Генерального Интернет-корпуса (ГИКРЯ) и «Яндекса» как «естественного» корпуса, см. [Борзенко 2024]. Также основополагающим инструментом современной лингвистики оказываются лингвистические ресурсы, специализированные под определенные задачи²: «Создание корпусов, словарных баз, динамических карт и подготовка данных для таких ресурсов уже превратились в будничную практику лингвистической работы» [Бажуков, Рахилина 2024: 24].

«Портретирование» языкового явления предполагает совмещение двух подходов. Во-первых, это «фиксация», то есть анализ положе-

² Весьма значимый для русистики образчик такого инструмента — «Диахроникон», ориентированный на диахроническое описание конструкций русского языка; его общей характеристике и описанию на его базе конкретных единиц посвящены статьи журнала «Русский язык в научном освящении» 2024 года, № 2.

ния единицы в языке на данный момент: надо разобраться в системе значений, сочетаемостных и синтаксических свойствах, определить нормативно-стилистический статус. Возникшие в последние три десятилетия корпусные методы позволили увидеть, какую именно информацию невозможно извлечь из текстовых данных, для какого анализа важны свидетельства современников. Труднее всего разобраться в нормативном статусе единицы, в восприятии ее стилистики. Например, на основе корпусного анализа видно, что в третьей четверти XX века форма *ихний*, которая категорически отрицается советской кодификацией, активно используется в авторской письменной речи таких писателей, как Л.Н. Андреев, В.Ф. Ходасевич, К.И. Чуковский, А.П. Платонов, Вс. В. Иванов, Ю.М. Даниэль (см. [Добрушина 2013]), но разобраться, чем была для писателей форма — естественной, нормативной во всех контекстах, или маркирующей разговорную речь, или осознанно противопоставляемой официальному запрету, — сейчас почти невозможно. Таким образом, вопросы, связанные с восприятием единицы носителями языка с разными возрастными и социальными свойствами, следует отслеживать на современном этапе ее существования, и здесь оказываются значимы такие методы, как анкетирование и интервьюирование.

Во-вторых, портретирование языковой единицы предполагает ее диахронический анализ. Диахронические методы можно разделить на три типа: традиционную макродиахронию, оперирующую веками и даже более длительными интервалами; микродиахронию, исследующую изменения, происходящие на протяжении временных промежутков от 5 до 50 лет; и нанодиахронию, анализирующую языковые события, происходящие за год или даже месяц. Термин «нанодиахрония» введен в [Борзенко, Добрушина 2022: 84]; в данной статье возможности этого метода будут показаны на основе истории неологизма *рыбова*. При изучении современного языка макродиахрония может быть представлена этимологической справкой, нанодиахрония нужна, если речь идет о совсем недавно возникшем или трансформировавшемся явлении, а микродиахрония выходит на первый план.

2. Значимость прецедентных текстов

Разумеется, у каждого языкового явления собственные этапы формирования свойств. В том числе потому, что значима роль прецедентных факторов, в первую очередь — для лексики. Корпусный микродиахронический анализ показывает, что рождение, вхождение неологизмов в узус и приобретение популярности часто связаны с прецедентным текстом, который цитируется современниками, позже забывается, но цитата успевает превратиться в слово, фразе-

ологизм или конструкцию. Корпусное исследование нередко позволяет определить прецедентный текст для конкретной единицы. Приведу несколько примеров. При исследовании сочетания *малая толика* была обнаружена практически неизвестная сейчас басня И.И. Дмитриева, строчка из которой «*Индеек... малую толику*» в 1805 году сыграла решающую роль во вхождении слова *толика* в русский язык [Добрушина 22: 287–293]. Датой рождения наречного выражения *постольку-поскольку* можно считать 2 марта 2017 года, когда с трибуны прозвучала формулировка из политической речи революционера Юрия Стеклова [Добрушина 22: 294–297]. Для краткосрочной истории слова *децл* ключевым стал период 1999–2002, когда рэп-исполнитель Толмацкий использовал его как псевдоним [Добрушина 22: 283–286]. Пик употребления неологизма *абьюз* приходится на 2019 год, когда появилась песня Земфиры Рамазановой³ с таким названием и рефреном. Удивительное слово *рыбова* появилось благодаря совершенно определенному интернет-мему.

3. Вариант обобщенной микродиахронической периодизации

Синдивидуальными, непредсказуемыми историями каждой отдельной единицы соотносится возможность некоторого обобщения. После проведенного в [Добрушина 2022] микродиахронического анализа разнотипных явлений представляется удобным разделить русский язык XVIII–XXI веков на этапы, связанные с экстралингвистическими факторами. Предлагаемые этапы — созданная в методических целях научная абстракция, их названия скорее символичны, чем точны, а предлагаемые временные границы условны, тем не менее эта схема в некоторых случаях оказывается рабочей. Опора на эти этапы помогает обобщенному, системному взгляду на микродиахронические трансформации, особенно когда вариативность связана с кодификацией. Так, в соответствии с этими этапами оказалось удобно анализировать форму *ихний* [Добрушина 2014] и абсолютивный деепричастный оборот [Добрушина 2020]. Здесь будет предложен несколько иной, более подробный вариант, чем в [Добрушина 2022], с еще более символическими датами. (1765 год — год смерти Ломоносова; 1860 год — год рождения Чехова; 2016 — год, с которого, на основе моих наблюдений над особенностями молодежной речи, поколение «зумеров» меняется на поколение «альфа»⁴).

³ Внесена Минюстом РФ в реестр иноагентов.

⁴ При изучении жаргонных неологизмов и других узуальных особенностей современной речи, например абсолютивного деепричастия, оказывается удобно делить носителей языка на поколения. Разумеется, с точки зрения годов рождения представителей поколений это деление совершенно условно. Выделяя поколения «миллениалов» (1982–2000) и «зумеров» (2001 г. и позднее), я использую тер-

Итак, вариант микродиахронической социокультурной периодизации русского языка:

I. Ломоносовский этап — с конца XVII века по 1765 год: зафиксирован в первой системной кодифицирующей грамматике — грамматике М.В. Ломоносова.

II. Классический этап — с 1766 года по 1860 год: авторами большей части корпусно исследуемых текстов оказываются носители языка дворянской культуры, чья речь подвержена влиянию французского и языка классиков, начиная с Фонвизина и Пушкина и заканчивая Тургеневым.

III. Чеховский этап — с 1860 года по 1916 год: формирование разнотчинской культуры, одновременно и наследующей дворянскую культуру, и отталкивающейся от нее.

IV. Советский этап — с 1917 года по 1991 год: значимое влияние на язык тщательно корректируемых и редактируемых письменных текстов советской нормативизирующей традиции.

V. Этап ранней цифровой коммуникации — с 1992 года по 2015 год: частичное высвобождение письменной речи от давления кодификации и формирование «устно-письменного» языка Рунета и мессенджеров.

VI. Этап, сформированный цифровой коммуникацией, — с 2016 года по настоящее время: сформировано приспособление речевой коммуникации к реализации ее значимой части через цифровые технологии⁵. Для младших поколений зрительное восприятие текста, в том числе художественного, сменяется на аудиальное. Один из факторов, заметно влияющий на осознание требований кодификации, — ЕГЭ, который, будучи введен в 2009 году, примерно к началу рассматриваемого этапа, когда школа и репетиторы научились к нему готовить, стал для носителей языка весьма значимым источником информации о норме, в отличие от советского этапа, когда таковым было чтение⁶.

мины и даты, которые предлагает автор социологического исследования о современных поколениях в России [Радаев 2023: 49]. Выделяя поколение «альфа» (2016 г. и позднее), приходится опереться на собственные наблюдения над речью школьников, так как В.В. Радаев младшее поколение не обсуждает.

⁵ По [Радаев 2023: 49], 2017 год — условный рубеж начала «взросления» младшего поколения, то есть примерно с этого момента речь интернета начинает подвергаться сильному влиянию «зумеров», конкурирующему с влиянием «миллениалов». Особый статус для речи Рунета 2015–2017 годов прослеживается при корпусных исследованиях сленговых единиц, например лексемы «ЧСВ» [Борзенко, Добрушина 2026].

⁶ Наблюдение о значимости ЕГЭ для формирования представлений о норме опирается на проводимые студентами и преподавателями кафедры славянской филологии ПСТГУ пока не опубликованные исследования, включающие анкетирование представителей разных поколений. В частности, диплом 2023 года

4. Микродиахрония формы ихний, или Сопротивление узуса запрету кодификации

В [Добрушина 2013] анализируются причины, с одной стороны, системных потребностей языка в склоняемом притяжательном местоимении *ихний*, с другой стороны, сопротивления литературной нормы его существованию и описана диахрония формы до начала 10-х годов XXI века. Здесь история *ихний* будет кратко охарактеризована на фоне предлагаемой общей периодизации, а для современного периода, не рассмотренного в статье десятилетней давности, будет предложена более подробная информация в качестве фиксации имеющегося положения.

1. Классический этап — с 1766 года по 1860 год (дворянская культура)

Форма *ихний* появляется в языке художественных произведений как характеристика «деревенской» речи, являясь анаколуфом, то есть художественным приемом — осознаваемой автором нелитературной формой, нужной для характеристики персонажа. До этого форма существует в диалектах и просторечье, а в литературном языке не встречается.

2. Чеховский этап — с 1860 года по 1916 год (культура разночинцев)

Во второй половине XIX века происходит «мягкое» вхождение формы *ихний* в речь некоторых образованных людей, и, возможно, они готовы принять ее как допустимую, во всяком случае в переносном относительном значении. Так, Достоевский более 50 раз использует эту форму: и притяжательную в качестве анаколуфа, и в собственных авторских текстах, например в «Дневнике писателя», причем всегда с оттенком относительного значения («чужие», «западные») и никогда в чисто притяжательном значении.

(1) И куда девалась тогда вся **ихняя** цивилизация: бросилась самая ученая и просвещенная из всех наций на другую, столь же ученую и просвещенную, и, воспользовавшись случаем, загрызла ее как дикий зверь...

[НКРЯ-О⁷. Ф.М. Достоевский. Дневник писателя. 1877. Год II-й (1877)]

А.И. Астраханцевой под руководством А.П. Вальсовой «Границы нормы и узуса в конструкциях с абсолютным деепричастием с точки зрения носителей языка» показал, что абсолютный деепричастный оборот заметно чаще воспринимается как ненормативный информантами, готовящимися сдавать ЕГЭ или сдававшими его; те и из младших и из старших, кто «не прошел» через ЕГЭ, легче создают и принимают абсолютные конструкции.

⁷ Здесь и далее в ссылках на примеры НКРЯ-О — Основной корпус НКРЯ, НКРЯ-СС — Корпус социальных сетей НКРЯ, НКРЯ-ЦС — Корпус центральных СМИ, НКРЯ-П — Поэтический корпус.

3. Ранний советский этап — с 1917 года по 1982 год (влияние нормативизации)

Форма трактуется как просторечная в научно-справочной литературе, что, возможно, не соответствует языковой интуиции многих носителей литературного языка. Так, К. Чуковский включает в словарь ошибочных форм при книге «Живой как жизнь» *евойный*, но не включает *ихний* и сам использует эту форму, даже не в относительном значении:

(2) ...ничего другого специально о стихах Вознесенского я сказать не могу: если мне и нравится **ихняя** содержательность, а порою и форма, то есть целый ряд всяких «но»... [НКРЯ-О. К.И. Чуковский. Леонид Андреев (1919–1958)]

4. Поздний советский этап — с 1983 года по 1991 год (норма сформирована)

Запрещающая норма принята носителями литературного языка, и форма превращается в один из самых известных маркеров «некультурной» речи. Фактически с того момента и до сих пор существуют три основных для нефилологов (например, популярных у писателей как речевая характеристика) признака просторечия: *ихний*, ударение в *звонить* и *ложить*.

5. Ранний цифровой этап — с 1992 года по 2015 год (высвобождение речи и формирование «устно-письменного» языка Рунета)

Форма остается в списках признанных маркеров плохой речи, но норма-интуиция снова расшатывается, по крайней мере для неприятного, относительного значения — «иностранный», «чужой».

6. Сформированный цифровой этап — условно с 2016 года

В настоящее время слово реже появляется в устных и устно-письменных текстах как ошибочное, но чаще появляется в относительном значении. Видимо, устоялась и стала общеизвестной норма и одновременно укрепились относительные значения.

Сейчас слово частотно в значении «иностранный» в контексте противопоставления:

(3) Народные хлебопекарни, сеть быстрого питания «Русские блины». Дескать, заткнем за пояс все **ихние** «Макдоналдсы» [НКРЯ-О. О.А. Славникова. 2017 (2017)]

(4) Ты не восхищайся разницей в зарплатах, ты доведи расчет до конца. Сколько тестов на коронавирус может позволить себе **ихний** дворник? Один. А сколько наш? 10. [НКРЯ-СС. У нас и у них (2019–2021)]

В следующем примере характерно, что респондент переключается с формы *ихний* на *их*, когда значение становится скорее притяжательным, когда уходит оттенок «неотечественное»:

(5) Да и вообще вся наша цивилизация по сравнению с **ихней** окажется таким убогим грязным термитником, что нам станет стыдно в глаза друг

другу смотреть, и мы сами... под **их** ярмо... [НКРЯ-ЦС. Сергей Шикера. Выбор натуры // «Волга», 2014]

Итак, для истории формы *ихний* наиболее значимыми оказываются отношения с этапом советской нормативизации, и она удачно описывается через предложенные выше общие этапы.

5. Микродиахрония фразеологизма *малая толика*, или Превращение малого в безразмерное

Фразеологизму *малая толика* посвящена небольшая статья в «Истории слов» В.В. Виноградова, а процесс высвобождения из него существительного *толика* отчасти описан в [Добрушина 2022: 287–293], подробнее в [Добрушина, Царева, Охапкина 2018]⁸. Здесь же рассмотрим микродиахронию слова, которое, будучи не связано с проблемой нормы, не соответствует выделенным этапам, но имеет многочисленные трансформации с размытыми границами.

1. *С начала русской письменности до середины XIX века* существовало церковнославянское местоименное прилагательное *толикий*, часто, наподобие современному *такой*, использовавшееся как подчеркивающее заметное количество:

2. *В XVI(?)–XVIII веках* в канцелярите возникло сращение *малую толику*, о чем кратко пишет В.В. Виноградов: «Таким образом, выражение *малая толика* является устно-бытовым видоизменением церковно-книжной и канцелярской формулы *мало толико*. Сложилось это выражение в среде духовенства и малого чиновничества. В литературный обиход оно вошло гораздо ранее XVIII в.» [Виноградов 1994].

(6) Цыфиркин. Да кое-как, ваше благородие! **Малу толику** арифметике маракую, так питаюсь в городе около приказных служителей у счётных дел. [НКРЯ-О. Д.И. Фонвизин. Недоросль (1782)]

3. **1805–1830 гг.** Фразеологизм закрепился в сочетании *индеек малую толИку* (ударение на второй слог, используется в фиксированном падеже) благодаря басне Дмитриева 1805 года, в которой лицемерная лиса-проповедник, учащая бескорыстия, после признания своих заслуг попросила себе материальную награду, при этом на языке канцелярита. Сначала фразеологизм имел значение «притворно незначительная выгода», затем быстро приобрел значение «взятка».

⁸ Соотношению единиц *толико* и *только* в древнерусском языке на основе данных НКРЯ посвящена статья Е.А. Колобродовой, в которой показано, что современное *только* происходит из количественного местоименного наречия. Сращение *мало толико*, породившее существительное *толика*, в статье не рассматривается; этот вывод В.В. Виноградова на данный момент не прослеживается по корпусным данным.

(7) Между тем он рос, рос и переходил из класса в класс, иногда по старшинству, иногда для комплекта. А иногда Кто без греха? и потому, что содержатель получал от его матушки накануне экзамена *индеек малую толику*. [НКРЯ-О. М.П. Погодин. Невеста на ярмарке (1827–1832)]

4. 1830–1916 гг. Компонент *индеек* потерялся, осталось *малую толику*; басня и конкретное значение забыты: появилась вариативность прилагательного (*маленькую, некоторую*), появились другие падежи, значение стало абстрактным — малое количество.

5. Условно с 1917 г. Значение конструкции передалось существительному, оно высвободилось из идиомы, стали возможны все падежи; прилагательное перестало быть обязательным; из-за ассоциаций с частицей *только* сместилось ударение. Первый пример с очевидно смещенным ударением найден у Маяковского в 1929 году. Далее и до сих пор ударение колеблется, но новый вариант более частотен, чем первоначальный:

- (8) Пребыва́я в тумáнной че́рности,
Обраща́юсь с мо́льбой к исто́рику —
От ве́ликой сво́ей уче́ности
Уде́ли мне хотя́ бы *то́лику*!
[НКРЯ-П. А.А. Галич. Без названия: «Вот пришли и ко мне седины...» (1967)]

6. Условно с 1960 г. Ненормативно, но очень широко существительное *толика* используется как самостоятельный квантор малого количества типа *капелька*. В XXI веке 50 % употреблений без прилагательного.

- (9) Отхватить *толику* сна, раздобыть себе еды — хоть раз на дню... [НКРЯ-О. Георгий Владимов. Верный Руслан (1963-1965)[1974]]

- (10) ...сунули в руки пузатую фаянсовую чашку крепкого чая с *толикой* лимонного ликера — от простуды. [НКРЯ-О. Дина Рубина. Русская канарейка. Блудный сын (2014)]

7. Условно с 2010 г. Активно начало приобретать значение «часть» с потерей семантического компонента «малый». Теперь может употребляться с прилагательными *значительный, большой* и др. Примеры с такими прилагательными встречаются с середины XX века, но частотными становятся лишь 15 лет назад.

- (11) В неделю два местных тигра съедают 100 кило мяса. При этом *большая толика* идет Жорику — его растущему организму требуется больше питания. [НКРЯ-ЦС. Инна КУМЕЙКО. На Дальнем Востоке Жорик страдает от голода // «Комсомольская правда», 11.02.2011]

Таким образом, для истории рождения слова *толика* со значением «часть» и ударением на первом слоге не нужны обобщенные этапы, потому что слово не попадает под давление не заметившей его изменений нормы. История слова определяется потерей связи

с церковнославянским языком и прецедентным текстом Дмитриева и образованием связи с современной частицей *только*.

6. Диахрония слова *рыбова*, или Превращение окончания в суффикс

В [Борзенко, Добрушина 2022] рассказана нанодиахроническая история возникновения популярной языковой игры с окончанием *-ов*, родившейся летом 2021 года на основе прецедентного текста. Здесь речь пойдет о следующем шаге — возникновении слова *рыбова*. Этот неологизм остается малоизвестным, неожиданным, поэтому стоит начать с примеров:

(12) Слава **рыбовам**! Ты не верил в **рыбовов**? **Рыбовы** тебя найдут **Рыбовы** всех найдут **Рыбовы** уже здесь. [Яндекс. Рекламный пост к самодельной игре. 2022]

(13) Вы уже видели какие прекрасные **рыбовы** будут на станции метро Нагатинский Затон? [Яндекс. Палата любителей рыбов. 27.10.2022]

(14) Пост: И снова **рыбовы**. Комментарий: Люблю **рыбовов**, очень красивые [Яндекс. ВКонтакте. 15.02.2023]

(15) А вот результат как охотится на **рыбовов** — это Оооооо! Это цапает за душу! [Яндекс. ВКонтакте. 15.09.2023]

История неологизма начинается с проблемы вариативности падежного окончания множественного числа *-ов* и требует обращения ко всем трем типам диахронического анализа:

1. Макродиахронический этап. Примерно в XII веке произошло соединение в одно двух склонений: на *о (столъ) и *ѣ (домъ), в результате появилась вариативность окончаний одной и той же формы: «*-ов* / нулевое». Окончание *-ов* на раннем этапе начало вытеснять нулевое.

2. Микродиахронический этап. К XX веку сохраняется вариативность для определенного набора семантических групп (единицы измерения, плоды, национальности, воинские объединения, парные предметы). Нулевое окончание — значимый символ разговорной речи.

3. Микродиахронический этап. В XXI веке сохраняется проблема выбора окончания для некоторых существительных мужского рода (*джинсы, шорты, баклажаны, партизаны* и др.). Даже в разговорных текстах нулевое окончание постепенно уступает литературному *-ов* [Савчук 2010].

4. Микродиахронический этап. До середины лета 2021 года женский род не вариативен, но изредка подвержен языковой игре — ср. *кошкoв* и *собакoв* в шутилой устной речи Маяковского [Борзенко, Добрушина 2022: 84].

5. Нанодиахронический этап. В июле 2021 года публикуется ставший вирусным мем; в нем котик в диалоге с продавцом рыбы

произносят реплику *Вы рыбов продаете?*, в которой *рыбов* является анаколуфом, имитирующим «речь котиков» как сходную с детской. Мем порождает очень популярную в определенных группах Рунета языковую игру в неправильные окончания *-ов* (*сосисков, курочков, водичков, проблемов* и др.). Самая популярная форма — *рыбов*. Ее количество возрастает: от 1 в месяц до появления мема, к 22 формам — в июле, 70 — в августе и около 100 в месяц регулярно с мая 2022 года.

6. Нанодиахронический этап. С июля 2021 г. с ником в августе 2022 г. Появляется слово *рыбова*. До мема два употребления (2015 и 2018). После мема от 1 до 5 в месяц, а через год (в августе 2022 года) благодаря определенному сайту взлет частотности до 80 форм и далее в среднем около 10 в месяц до сих пор.

7. Нанодиахронический этап. В начале 2023 года появляется игровая падежная форма (*люблю*) *рыбовов* в которой удвоенное «*ов*» — суффикс, родившийся из игрового окончания, и игровое окончание. «Правильно» было бы *люблю рыбов* как *люблю коров*, но у игрового окончания есть преимущество — оно снимает омонимию (*люблю рыбов* — это форма и от *рыба* с игровым окончанием *-ов*, и от *рыбова* с нормативным нулевым окончанием) и вариативность ударения.

В неологизме *рыбова* суффикс *-ов*, будучи по происхождению игровым, неправильным падежным окончанием, выполняет две основные функции: во-первых, отправляет к определенному мему и тем самым к идее умиления перед детьми и животными, во-вторых, дает возможность именовать денотат без семантических элементов, навязанных словами *рыба* и *рыбка*. *Рыба* неудачна из-за связи с обозначением безликого множества, *рыбка* — из-за уменьшительности. Чудесный и великолепный друг или замечательный трофей — это *рыбова*, а не *рыба* или *рыбка*. Таким образом, неологизм заполняет языковую лауну, особенно значимую для профессионалов — любителей аквариумов и рыбалки; поэтому, предположительно, слово сохранится в языке — интересно будет проверить этот «прогноз» через несколько десятилетий.

* * *

На примере истории трех слов было показано, как работают диахронические методы для разнотипных единиц. Исследование конкретной единицы современного русского языка — это фиксация ее состояния в данный момент, требующая корпусных и социолингвистических исследований, микродиахронический взгляд на соотношение единицы с собственной предысторией на протяжении 200–300 лет, нанодиахронический анализ недавних изменений и иногда макродиахроническая справка о происхождении проблемного явления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бажуков М. О., Рахилина Е.В. База «Диахроникон»: история, задачи, структура // Русский язык в научном освещении. 2024. № 2. С. 11–30.
2. Борзенко Е.О. Методы корпусного анализа частотности и динамики языковых единиц в 2024 году // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. 2024. Вып. 80. С. 11–22.
3. Борзенко Е.О., Добрушина Е.Р. Языковая игра с падежным окончанием -ов или Как падонки сменились котиками // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 4. С. 81–88.
4. Борзенко Е.О., Добрушина Е.Р. Биография лексемы ЧСВ // Вестник ПСТГУ. Серия III. Филология. 2026. В печати.
5. Виноградов В.В. История слов: около 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связанных / Отв. Ред. Н.Ю. Шведова. М., 1994.
6. Добрушина Е.Р. Абсолютивные деепричастия: норма и узус, микродиахрония и современное положение // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. 2020. Вып. 63. С. 9–18.
7. Добрушина Е.Р. Корпусные методы как инструмент исследования микродиахронии русского языка XVIII–XXI веков: Дисс. ... докт. филол. наук. М., 2022.
8. Добрушина Е.Р. Между нормой-интуицией и нормой-кодификацией или Двести лет вместе с ихний // Русский язык в научном освещении. 2013. № 2 (26). С. 181–204.
9. Добрушина Е.Р., Царева М.С., Ахапкина Я.Э. Малая толика: от указательного местоимения к кванторному существительному // Пограничный русский язык. Как рождаются экспрессивные кванторные выражения?». СПб., 2019. С. 33–60.
10. Колобродова Е.А. Филиация значений слова *только/только* в древнерусском языке: местоименное наречие количества — фокусная частица — союз // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2025. № 1. С. 109–124.
11. Радаев В.В. Миллениалы: как меняется российское общество. М., 2023.
12. Савчук С.О. Опыт корпусного исследования морфологической вариативности: варианты родительного падежа множественного числа существительных мужского рода // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды Международной конференции «Диалог-2010», Бекасово, 26–30 мая 2010 года. Бекасово: Российский государственный гуманитарный университет, 2010. С. 419–430.

REFERENCES

1. Bazhukov M.O., Rakhilina E.V. The “Diachronicon” database: history, aims, structure. In *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii* [The “Diachronicon” database: history, aims, structure]. 2024. Vol. 2, pp. 11–30. (In Russ.)
2. Borzenko E.O. *Metody korpusnogo analiza chastotnosti i dinamiki yazykovykh edinit v 2024 godu* [Methods of Corpus Analysis of the Frequency and Dynamics of Language Units in 2024]. In *Vestnik PSTGU. III: Filologiya*. 2024. Vol. 80, pp. 11–22. (In Russ.)
3. Borzenko E.O., Dobrushina E.R. *Yazykovaya igra s padezhnym okonchaniem -ov ili Kak padonki smenilis’ kotikami* [Language Game with a Case Ending -ov or How Padonki Were Replaced by Kittens]. In *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*. Vol. 81. N. 4. Pp. 81–88. Moscow, RAS, 2022. (In Russ.)
4. Borzenko E.O., Dobrushina E.R. *Biografiya leksemy ChSV* [The biography of a Lexeme ChSV]. 2026. In print. (In Russ.)

5. Vinogradov V.V. *Istoriya slov: okolo 1500 slov i vyrazhenii i bolee 5000 slov, s nimi svyazannykh* [The history of words: about 1,500 words and expressions and more than 5,000 words related to them]. N. Yu. Shvedova / Moscow, Tolk. 1994. (In Russ.)
6. Dobrushina E.R. *Absolyutivnye deeprichastiya: norma i uzus, mikrodiakhroniya i sovremennoe polozhenie* [Absolute Transgressives: Their Standart and Occurrence, Microdiachrony and Current State]. In *Vestnik PSTGU. III: Filologiya*. 2020. Vol. 63, pp. 9–18. (In Russ.)
7. Dobrushina E.R. *Korpusnye metody kak instrument issledovaniya mikrodiakhronii russkogo yazyka XVIII–XXI vekov* [Corpus Methods as a Tool for Studying the Micro-Diachrony of the Russian Language of the 18th-21st Centuries]. Doct. philol. sc. thesis. Moscow. 2022. (In Russ.)
8. Dobrushina E.R. *Mezhdu normoi-intuitsiei i normoi-kodifikatsiei ili Dvesti let vmeste s ikhnii* [Codified norm vs. intuitive norm, or two centuries with ikhnii]. In *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2013. Vol. 2 (26), pp. 181–204. (In Russ.)
9. Dobrushina E.R., Tsareva M.S., Akhapkina Ya.E. (2018) *Malaya tolika: ot ukazatel'nogo mestoimeniya k kvantornomu sushchestvitel'nomu* [Malaya tolika: from an indicative pronoun to a quantifier noun]. In *Kak rozhdaiutsya ekspressivnye kvantornye vyrazheniya?* St. Petersburg, Aleteja, 2018, pp. 33–60. (In Russ.)
10. Kolobrodova E.A. *Filiatsiya znachenii slova toliko/tol'ko v drevnerusskom yazyke: mestoimennoe narechie kolichestva — fokusnaya chastitsa — soyuz* [Filiation of meanings of the word toliko/tol'ko in Old Russian: pronominal quantity adverb — focal particle — conjunction]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya*, 2025, no. 1, pp. 109–124. (In Russ.)
11. Radaev V.V. *Millenialy: kak menyaetsya rossiiskoe obshchestvo* [Millennials: how Russian society is changing]. Moscow, Izdatel'skii Dom VshE, 2023. (In Russ.)
12. Savchuk S.O. *Opyt korpusnogo issledovaniya morfologicheskoi variativnosti: varianty roditel'nogo padezha mnozhestvennogo chisla sushchestvitel'nykh muzhskogo roda* [The experience of corpus research of morphological variation: variants of the genitive plural of masculine nouns]. In *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: trudy Mezhdunarodnoi konferentsii "Dialog-2010"*, Bekasovo, 26–30 May 2010. Bekasovo, RGGU, 2010, pp. 419–430. (In Russ.)

Поступила в редакцию 10.08.2024

Принята к публикации 22.04.2025

Отредактирована 05.05.2025

Received 10.08.2024

Accepted 22.04.2025

Revised 05.05.2025

ОБ АВТОРЕ

Добрушина Екатерина Роландовна — доктор филологических наук; доцент; заведующая кафедрой славянской филологии Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университет (ПСТГУ); edobrush@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina R. Dobrushina — Prof. Dr., Associate Professor, Head of the Department of Slavic Studies, St. Tikhon's Orthodox University of the Humanities; edobrush@gmail.com